

состав мигрантов по странам СНГ и Балтии за 2000 год. Свердловская область».

10. Рассчитано по: Текущий архив отдела статистики населения Свердловского областного комитета по статистике. Таблицы «Национальный состав мигрантов по странам СНГ и Балтии за 2000 год. Свердловская область»; «Национальный состав мигрантов за 2000 год. Свердловская область. Вся миграция».

11. Рассчитано по: Текущий архив отдела переписи населения Свердловского областного комитета по статистике. Перепись 1989 г. Таблица 9 с «Распределение населения по национальности и родному языку». Л. 1.

12. Рассчитано по: Текущий архив отдела переписи населения Свердловского областного комитета по статистике. Перепись 1989 г. Таблица 10с «Распределение населения по национальности и второму языку народов СССР». Л. 1.

13. Левин З. И. Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ). М., 2001. С. 93.

14. Макарова Л. В. и др. Региональные аспекты российской иммиграции // Социологические исследования. 1998. № 6. С. 50-51.

**Сутырин Б.А.
(Екатеринбург)**

**Об изучении историко-патриотических взглядов
М.В. Ломоносова в университетских курсах
по историографии истории России**

Имя Михаила Васильевича Ломоносова неразрывно связано с историей отечественной науки и рождением университетского образования. Его заслуги в развитии естествознания, литературоведения и русской словесности высоко оценены как в России, так и за рубежом. Известно, что Ломоносов не только любил историю своего Отечества, но и внес очень значительный вклад в развитие исторической науки.

В отечественной историографии, особенно в дореволюционной, его имя часто связывали только с историей антинормализма и его позицию пытались объяснить только лишь проявлением патриотизма. Даже считали, что химик не может быть историком, а, следовательно, его взгляды были непрофессиональными, дилетантскими.

Начало такого подхода к историческим взглядам Ломоносова было положено немецкими историками, академиками Петербургской

Академии наук Г.З. Байером, Г.Ф. Миллером и А.Л. Шлецером. Особенно в дискредитации великого русского ученого старались Миллер и Шлецер.

После кончины Ломоносова они выступили «не аргументированным опровержением воззрений своего оппонента, а посредством способа более чем сомнительного с точки зрения этики при разговоре о покойном человеке. И суть которого свелась к тому, чтобы выставить Ломоносова, не способного им ответить, полнейшим профаном в области истории, в целом создать в научном и общественном сознании России и Западной Европы самый неприглядный образ его и как человека, и как ученого» (1).

Миллер в 1773 г. в своей работе «О народах издревле в России обитавших» дал весьма нелестную оценку Ломоносову как историку. А Шлецер пошел дальше в отрицании Ломоносова как историка и даже как ученого. В 1802 г. он опубликовал свои мемуары на немецком языке, в которых отказал Ломоносову в праве считаться историком, охарактеризовав его «совершенным невеждой во всем, что называется историческою наукой...», человеком, «даже по имени» не знавшим исторической критики и «вовсе» не имевшим понятия об «ученом историке», но при этом претендовавшим «на монополию в русской истории» (2).

Норманизм, утвердившийся в исторической литературе XIX в., ориентировал читателя на восприятие трудов и взглядов Ломоносова по призыванию варягов на Русь больше на проявление патриотических чувств, чем на оригинальную научную концепцию. Эта линия четко прослеживается в трудах историков-корифеев. Так, Н.М. Карамзин поддерживал взгляды норманистов. А С.М. Соловьев в 50-х гг. XIX в. писал в своих статьях, что признание «чуждого происхождения» варяжских князей «было оскорбительно для народного самолюбия».

Эти же взгляды в 1860-1880 гг. разделял К.Н. Бестужев-Рюмин, который в своих лекциях по русской историографии утверждал, что «прения Ломоносова с Миллером «о происхождении руссов имели основой раздражение патриотическое, а не глубокое знание источников» (3). В этом же ключе читал свои лекции и В.И. Ключевский. Он считал, что истинный источник «непрерывный и непримиримый» вражды Ломоносова к немцам-академикам следует искать не «в его раздражительном ученом высокомерии» или «в его упрямом, неуживчивом характере...», а в «патриотическом негодовании», какое возбуждалось в нем их отношением к делу

просвещения в России. И «нападки Ломоносова на Миллера не просто личного свойства: они вытекали из его патриотических взглядов...» (4).

Таким образом, следует отметить, что в официальной исторической науке тема «Ломоносов-историк» не получила своего полного и объективного исследования, и даже «отцы историографии» больше говорили и писали о Ломоносове как о ведущем антинорманисте и об ученом-патриоте, не изучая и не анализируя его весомый вклад в развитие отечественной исторической науки.

Новый этап в изучении исторического наследия М.В. Ломоносова был отмечен в послереволюционной историографии в СССР. На первом этапе упорно сохранялось мнение о несостоятельности Ломоносова-историка. И это мнение проникло и в учебные пособия по историографии. Заметную роль в закреплении этого стереотипа сыграли работы С.В. Бахрушина и Н.Л. Рубинштейна.

С.В. Бахрушин в статье «Г.Ф. Миллер как историк России» высоко оценил Миллера как источниковеда; что «насколько высоко поставил Миллер технику исторического исследования, настолько же он был беспомощен в области общих построений, ибо, не обладал широким историческим мировоззрением, не мог создать научную концепцию, но «стоял все-таки на уровне исторической науки середины XVIII в.», и что возражения противника Миллера «в вопросах истории» гениального русского ученого Ломоносова по поводу «Истории Сибири» «не всегда стояли на уровне современной науки» (5).

Тема Ломоносов-историк стала одним из ключевых сюжетов первого учебного пособия по историографии Н.Л. Рубинштейна (1941 г.). В связи с началом Великой Отечественной войны эта книга осталась без внимания, вне критического рассмотрения. И только в 1948 г. была опубликована статья акад. М.Н. Тихомирова «Русская историография XVIII века», в которой были даны критические замечания по поводу неправильной трактовки развития русской историографии. Рубинштейн «недооценил оригинальность русской историографии, преувеличил степень влияния на нее западноевропейской философской и исторической мысли, что сказалось в преуменьшении роли русских ученых, особенно В.М. Ломоносова, и преувеличении того значения, которое имели для русской историографической науки труды Байера, Миллера и Шлецера» (6).

Критика учебного пособия Рубинштейна совпала с компанией «по борьбе с космополитизмом» и в адрес автора последовали необоснованные обвинения, выходящие за рамки научной критики. Приказом Министерства высшего образования СССР был наложен запрет на использование книги «Русская историография» в качестве учебного пособия.

В 1957 г. Рубинштейн стал профессором Московского государственного историко-архивного института. Он вошел в число основных авторов учебного пособия «Историография истории СССР», написанного под редакцией В.Е. Иллерицкого и И.А. Кудрявцева. На долю Н.Л. Рубинштейна пришлось 9 глав, среди них Глава 5 «Исторические взгляды великого русского ученого М.В. Ломоносова». Этот учебник стал основным пособием для преподавателей и студентов исторических факультетов университетов и педагогических институтов. Рубинштейн в новом учебном пособии заметно пересмотрел свои взгляды на заслуги Ломоносова, но он старался найти наиболее приемлемые с духом времени определения заслуг великого ученого в области исторической науки: «Занятия Ломоносова вопросами языкознания, – писал Рубинштейн, – в частности историей русского языка, позволяли ему раздвинуть рамки исторического изучения и расширить круг источников, что имело особенно существенное значение для изучения древних периодов истории России» (7).

Рубинштейн не обошел молчанием и полемику Ломоносова и Миллера по варяжскому вопросу. «Его первое выступление по вопросам русской истории было вызвано представленной Г.Ф. Миллером диссертацией («рассуждением») – «Происхождение имени и народа российского» для доклада на торжественном заседании Академии наук. В этой диссертации Миллер продолжал развивать норманскую теорию происхождения Руси и Русского государства, выдвинутую еще Байером и подвергнутую в свое время критике со стороны Татищева. В «Замечаниях на диссертацию Миллера» Ломоносов обнаружил прекрасное знакомство и с иностранными авторами, древними и современными, и с русским летописанием, в пренебрежении которым он обвинил Миллера» (8).

Автор этой главы обратил особое внимание на высокий уровень источниковедческой подготовки Ломоносова, при написании «Древней Российской истории». Им были изучены русские летописи и другие памятники, а также «труды иностранных и древних авторов

– польских (Кромера, Стрыйковского), германских (Иорнанда, Гельмольда), римских (Тацита, Плиния), древнегреческих и византийских (Геродота, Птолемея, Константина Багрянородного и др.) (9).

Однако не все разделяли мысль о том, что Ломоносов – это и историк. Так, в 1957 г. Л.В. Черепнин в курсе лекций по историографии, прочитанных в МГУ, привычно сказал, что Ломоносов «не был профессиональным историком, но его работы в области изучения прошлого своей родины и других народов явились новым словом в науке...» (10).

Примерно в этом же ключе высказал свое мнение и ленинградский историограф С.Л. Пештич. В 1961 г. он писал, что «для Ломоносова история была таким же делом всей его жизни и творчества, как физика, химия и литература», но он уже утверждал, вопреки принятому тогда мнению, что его «великие заслуги... как естествоиспытателя все-таки не сопоставимы с его достижениями в области разработки русской истории» (11).

В период с середины 60-х – начале 80-х гг. XX в. этот вопрос уже не носил той актуальности, что была характерна для первых послевоенных десятилетий. В целом, в науке сложился тот стереотип о Ломоносове-историке, который очень хорошо передан прежде всего в учебной литературе. Так в 1976 г. вышел в свет учебник А.М. Сахарова «Историография истории СССР. Досоветский период». Это учебное пособие было предназначено для студентов исторических факультетов педагогических институтов (12).

Сахаров, охарактеризовав В.Н. Татищева как одного из крупных деятелей русской исторической науки, делает переход к «другому крупнейшему ученому-энциклопедисту, с именем которого также связано превращение исторических знаний в науку» – М.В. Ломоносову. «Для укрепления национального самосознания история имела в глазах Ломоносова огромное значение. Поэтому ученый-естествоиспытатель занимался историей, а также филологией и изобразительным искусством» (13).

Сахаров практически изложил устоявшиеся в литературе оценки вклада Ломоносова в развитие русской исторической науки, не излагая дискуссионных вопросов по данной теме.

С конца 1980-х гг. в отечественной историографии постепенно стали вызревать антиломоносовские тенденции, с одной стороны, а с другой – движение в защиту Ломоносова как историка. Такой раскол в

оценке Ломоносова-историка можно объяснить оживлением интереса ученых к норманской теории. Проявление вновь на новом витке интереса к этой проблеме было обусловлено сменой парадигмы в отечественной исторической науке и новыми достижениями в археологии, языкознании и истории. На это обратил внимание и ленинградский историограф профессор А.Л. Шапиро, сумевший опубликовать свои лекции в 1993 г. (14): «В современной историографии спор антинорманистов и норманистов включает несколько сложных и важных проблем: 1) о роли внутренних причин и роли иноземцев (варягов) в процессе формирования и развития древнерусского государства, причем советские историки единодушно отводят решающую роль воздействию внутренних причин и особенно классовых антагонизмов; 2) о степени норманского влияния на развитие социальных отношений и культуры, причем для ответа на этот вопрос привлекаются данные археологии, языкознания, памятники культуры...; 3) о происхождении имени Русь, русский народ, причем данный терминологический вопрос имеет меньшее научное значение, чем первые два» (15).

Шапиро, отдавая должное Ломоносову как историку, привел его широко известное определение о назначении истории: она «дает государям примеры правления, подданным – повиновения, воинам – мужества, судиям – правосудия, младым – старых разум, престарелым – сугубую твердость в советах, каждому незлобивое увеселение, с несказанною пользою соединенное» (16).

В период перехода исторической науки на новые методологические основы на рубеже XX-XXI веков появилась необходимость в написании новых историографических исследований, а также и в создании новых учебных пособий по историографии истории, в том числе и по отечественной истории. Среди новых изданий особо следует отметить учебник для вузов «Историография истории России до 1917 г.». В двух томах. Под редакцией проф. М.Ю. Лачаевой. М., 2003 (17). Среди авторов учебника был и известный историк-педагог проф. А.Г. Кузьмин, принявший активное участие в защите заслуг М.В. Ломоносова как историка. В новом учебнике глава 6 названа «Историография второй четверти и середины XVIII в. Деятельность Академии наук. Г.З. Байер, Г.Ф. Миллер, А.Л. Шлецер, М.В. Ломоносов». Она была написана проф. Н.М. Рогожиным. В отличие от прежних учебников автор включил историографические сведения о вышеназванных

академиках. О Байере – точки зрения Н.Л. Рубинштейна, М.Н. Тихомирова, В.К. Яцунского, Л.В. Черепнина, В.Н. Татищева. В итоге: «убедительность работ Байера в значительной мере подрывалась вследствие незнания им русского языка» (18).

В оценке заслуг Миллера автор во многом повторил то, что уже было известно из других историографических трудов. И больше было сказано о его заслугах в изучении истории Сибири, но в меньшей степени о его вкладе в развитие «норманской теории». Правда, когда пошла речь о его защите диссертации «О начале российского народа и отчего он так называется», автор написал следующее: «Основным оппонентом Миллера стал М.В. Ломоносов, которого поддержали астроном Н.И. Попов, а также С.П. Крашенинников, А.П. Сумароков, И.Э. Фишер, Ф.Г. Штрубе де Пирмонт и даже всеильный Шумахер. Нельзя не признать того, что в историковедческом отношении позиции Миллера были достаточно серьезно обеспечены. Однако норманская схема часто приводила его к ошибочным выводам в вопросах конкретной истории и заведомо обедняла историю Древней Руси. Оппоненты не могли согласиться с тем, что начало Руси сводится к влиянию извне. Тем более что это не соответствовало национальной патриотической идее о самостоятельном развитии славянства...» (19).

Раздел об исторических взглядах М.В. Ломоносова, завершающий эту главу учебника, в отличие от авторов учебников 70 – начала 90-х годов XX века написан более обстоятельно и отличается достаточно убедительным анализом основных исторических работ великого ученого. Так, при разборе полемики с Миллером автор пишет «о хорошем знании Ломоносовым источников (древних и средневековых, русских и иностранных), а также о своеобразном и в ряде случаев вполне критическом подходе к ним. По существу вопроса Ломоносов стоял на правильных позициях, доказывая значительную давность появления славян на территории Восточной Европы и зарождения у них государственности независимо от варягов.

В полемике Ломоносова с Миллером чувствуется любовь первого к родине и ее прошлому, забота о славе и чести Отечества. Он не может примириться с утверждением Миллера, ибо, по выражению Ломоносова, почти на каждой странице миллеровской диссертации «русских бьют, грабят благополучно, скандинавы побеждают, разоряют, огнем и мечом истребляют...» и т.д.» (20).

Из этого отрывка видно, что Ломоносов предстает перед нами не только как патриот, но и национальный историк. Основным его произведением исторического характера стала «Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава первого или до 1054 года». Над этим трудом он работал с 1751 г. до конца своей жизни (1758 г.). Во «Вступлении» автор говорит, что российский народ «много видел в счастье своем перемены», страдал от внешних врагов и от внутренних междоусобиц, и тем не менее не только не утратил своей национальной независимости, «не токмо не расточился», «но и на высочайший степень величества, могущества и славы достигнул» (21).

В этом учебника обстоятельно изложена историческая концепция Ломоносова, его деятельность в смежных науках (география, статистика, языкознание) с историей. Главной идеей его исторических и литературных произведений являлось требование ликвидации экономической и культурной отсталости России.

Казалось, что с выходом в свет учебника историографии под редакцией Лачаевой окончательно решен спор в пользу сторонников того, что Ломоносов – историк, а вместе с тем и патриот. Но этим дискуссия не закончилась. В 2008 г. выходит в свет учебное пособие Г.Р. Наумовой и А.Е. Шикло «Историография истории России» (22). Одним из рецензентов этого пособия была М.Ю. Лачаева, автор учебного пособия, которое мы рассмотрели выше. В новом пособии творчеству В.М. Ломоносова отведено всего две страницы, на которых изложены общеизвестные положения об историко-патриотических взглядах великого ученого и нет ни слова о признании его историком и о дискуссии вокруг этого имени.

Авторы как бы не заметили появление двух исторических монографий В.В. Фомина «Варяги и варяжская Русь. К итогам дискуссии по варяжскому вопросу» (М., 2005) и «Ломоносов: Гений русской истории» (М., 2006). Выше я сказал «как бы» потому, что в списке литературы вторая монография Фомина названа (23).

Вторая монография Фомина целиком посвящена теме «Ломоносов-историк» и написана в духе историографического исследования. Первая глава посвящена вопросу: Ломоносов-историк в дореволюционной историографии, вторая глава – Ломоносов-историк в советской и современной историографии, и третья – дискуссия Ломоносова и Миллера по варяго-русскому вопросу. Монография

ценна не только тем, что впервые проблема рассмотрена в историографическом ключе от середины XVIII в. до наших дней, но и тем, что в приложение включены тексты: «Байер Г.З. О варягах», «Изъяснение [В.Н. Татищева] на 32 главу», «Миллер Г.Ф. О происхождении имени и народа российского», «Ломоносов М.В. Замечания на диссертацию (речь) Г.Ф. Миллера «О происхождении имени и народа российского», «Из протоколов исторического собрания Петербургской Академии наук (обсуждение книги Г.Ф. Миллера «История Сибири»)».

Читателю впервые предоставлена возможность не только представить в динамике дискуссию о названной теме, но и познакомившись с текстами трудов Байера Г.З., Миллера Г.Ф., Татищева В.Н. и Ломоносова М.В., сделать свой вывод и определить свое отношение к итогам этой дискуссии.

И в заключение можно привести выводы Фомина: «Признанию Ломоносова выдающимся историком мешают мифы, созданные сторонниками норманской теории за несколько столетий их господства в науке... Это во-первых, априорная убежденность норманистов в собственной правоте, которая сегодня привела к тому, что разработка варяго-русского вопроса оказалась отброшенной на полтора столетия назад и не соответствует уровню развития исторических знаний ни середины XIX в., ни тем более XXI в., и намертво блокирует научное изучение эпохи Древнерусского государства... Во-вторых, это мысль об «антинаучности» трудов антинорманистов, якобы приносящих в жертву своим чувствам высокую науку...

И, конечно, никак нельзя путать научную позицию Ломоносова и его последователей с позицией гражданской (достойной уважения, а не поругания), как это делал в прошлом «ультранорманист» А.Л. Шлецер и как это делают современные «ультранорманисты»» (24).

-
1. Фомин В.В. Ломоносов: Гений Русской истории. М., 2006. С. 11-12.
 2. Там же. С. 12.
 3. Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. Т.1. СПб., 1872. С. 24.
 4. Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. М., 1990. Т. IX. С. 400-408.
 5. Фомин В.В. Указ. соч. С. 107.
 6. Цамутали А.Н. Рубинштейн Николай Леонидович (1894-1963) // Историки России. Биографии. М., 2001. С. 701.

7. Историография истории СССР (с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции). Под ред. В.Е. Илерицкого, И.А. Кудрявцева. М., 1961. С. 84.
8. Там же. С. 85.
9. Там же. С. 85.
10. Черепнин Л.В. Русская историография до XIX в. Курс лекций. М., 1957. С. 188.
11. Пештич С.Л. Русская историография о М.В. Ломоносове как историке // Вестник ЛГУ. Серия истории, языка и литературы. Вып. 4. № 20. Л., 1961. С. 61.
12. Сахаров А.М. Историография истории СССР. Досоветский период. М., 1968.
13. Сахаров А.М. Указ соч. С. 68.
14. Шапиро А.Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г. Учебное пособие. М., 1993.
15. Там же. С. 193-194.
16. Там же. С. 201.
17. Историография истории России до 1017 г. В двух томах. Под ред. М.Ю. Лачаевой. М., 2003.
18. Там же. С. 110.
19. Там же. С. 123.
20. Там же. С. 131.
21. Там же. С. 133.
22. Наумова Г.Р., Шикло А.Е. Историография истории России. М., 2008.
23. Фомин В.В. Варяги и варяжская Русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005; Его же. Ломоносов: Гений русской истории. М., 2006.
24. Там же. С. 340-341.

Сушков А.В.
(Екатеринбург)

**К вопросу о причинах отставки первого секретаря
Свердловского обкома КПСС А.М. Кутырева. 1955 г.***

После смерти И.В. Сталина и устранения с политической арены Л.П. Берии на первое место в высшем руководстве страны выдвинулся Первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев. В целях укрепления собственных позиций в высшем руководстве Хрущев стал активно проводить политику по расстановке своих выдвиженцев на

* Выполнено в рамках исследования, финансируемого грантом РГНФ № 08-01-83107а/У.